

ГОНТ

Газета о нашей гимназии

9 декабря 2015 года № 3 (207)

Соловецкие очерки

*«Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим»,*

- так у Николая Некрасова начинается песня «О двух великих грешниках» про атамана Кудеяра и его двенадцати разбойниках. Быль, которую вам теперь возвестит 11 «Г», куда интереснее некрасовской: мы расскажем вам не только о грешниках и разбойниках, но и о многих других категориях молодых людей, благо их в одном стане на маленьком острове собралось на сей раз больше пятидесяти человек. Расскажем не об отшельнической аскезе и не о лиходейском кутеже, а об их странной и непривычной, но очень надолго запоминающейся жизни, называемой обыкновенно

Соловецкой практикой. Много было пролито здесь слёз и других жидкостей самого разного свойства, много было спето грустных и разудалых песен, в рамках волонтерских работ перетаскано тяжёлых досок и, разумеется, вызнано разных умных вещей.

Могущественная и загадочная природа Севера, где карликовые деревья растут так же просто, как на страницах учебников по природоведению для младшей школы! Как описать то впечатление, которое ты произвела на нежные души гуманитариев? Разве что предоставив слово им самим. На случай, если читатель не принадлежит к числу поклонников малой прозы, в которой порой угадываются спонтанные стилизации под прозу крупную, природа заставила гумкласс расщедриться и на поэзию. Восприятие мира каждым из наших авторов глубоко индивидуально: прочитав, вы узнаете, что чайки могут быть и гордыми, и... стервозными. Один и тот же скверный городишко (возможно, самый скверный из всех приморских городов России) может внушать вдохновение и отвращение. Вам

встретятся,
вероятно,
знакомые вам
по коридорам
нашей
гимназии
Мишани и
Наташи...

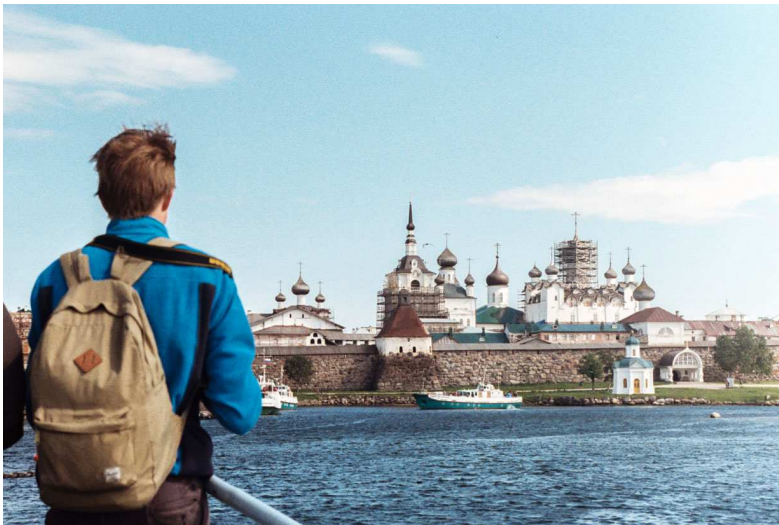
В общем,
наш номер -
ваша лучшая

возможность начать, наконец, читать ГОНГ.

Даниил Игнатьев

* * *

Итак, наша последняя
гумпрактика обещала
встречу с ОСТРОВОМ...

Остров - древнейший
архетип. Вечная надежда
человека на Мечту, на
Блаженство, надежда на
возвращение к истокам
бытия, к первооснове
жизни, к самому себе.

Остров - это идея поиска: поиска цели, поиска пристанища души, поиска себя, своей души. Поэтому Остров - всегда Испытание. Испытание, показывающее, на что способен человек.

Одиссей покидал свой остров Итаку с жадой мести троянцам - Одиссей через 20 лет возвратился на свой остров с жадой обрести очаг и дом.

Шекспировский Просперо был вынесен бурей на остров полным обиды и мести - Просперо прощался с островом прстившим своих врагов и умиротворенным.

Николас Эфре Фаулза прибыл на остров уставшим от жизни - уезжал он с двумя простыми желаниями - жить и любить.

Остров меняет людей. Что ты готовишь нам, Большой Соловецкий остров?

Этимологическая справка: у названия Соловецких островов имеется множество разнообразных толкований. Самая популярная научная версия, что слово «Соловки» имеет финно-угорское происхождение. На территории архипелага обнаружены следы финно-угорского племени саамов. На языке саамов *Suollek* значит «остров». Тот же корень прослеживается в финском слове *Suol* и в карельском *Solokka*, что тоже значит «остров».

Остров вырастал из воды в яркое, слепящее солнцем глаза утро. Вырастал из точки, обозначающей горизонт там, где море

переливалось в небо. Вырастал как таинственный Китеж-град верхушкой колокольни, куполами храма, башнями монастыря. Вырастал под крики чаек, летящих вровень с мачтой, под брызги беломорской соленой воды за бортом. Остров подсказывал, куда причалить, навигационными полосатыми щитами – и вот подставил под ноги ступеньку причала. Соловецкий берег... Мы приплыли.

Этимологическая справка: некоторые исследователи возводят истоки названия Соловки к соляному значению: «солнцем овеванные», «солнцем веющие».

Мы видели языческие соляные знаки. Солнце не покидало здесь землю ни днем, представляя нам красоты Соловков во всем блеске, подталкивая к лавке с вкусным монастырским квасом, награждая после экскурсий купанием, ни ночью, когда, коснувшись горизонта, оно как будто разбивалось об остров и растекалось по небу желто-оранжевым, красновато-сиреневым. Светлые ночи. Белые ночи.

Вот с этих белых ночей и начались для меня Соловки. Удивительное место для практики. Красота здесь не в том, что мы привыкли видеть на предыдущих практиках. Смешно здесь искать следы усадебного быта, или изящество архитектурных построек, или утонченность художественных полотен. У красоты Соловков иная природа – сила, мощь и надежность. Тут понимаешь, что этот остров всегда был и остается островом сильных и трудолюбивых людей.

Подвижнический труд совершили первые монахи Савватий, Герман и Зосима, обосновавшиеся на этом острове в XV веке. Великий труд стоит за возведением в течение веков комплекса монастыря на этой нещедрой, холодной земле, окруженной со всех сторон водой.

Форма монастыря напоминает ладью. Монастырь-ладья с тугим парусом колокольни в море невзгод, твердо стоящий на якорь. Когда видишь размеры валунов, из которых сложены стены и башни монастыря, представляешь былинных богатырей – только им под силу такое.

Этимологическая справка: еще одна версия происхождения слова «Соловки» от слова «соловей» кажется странной, ведь в таких северных краях соловьи никогда не водились. Легенда гласит, что на этих островах жил некогда разбойник Колга, этаким соловей-разбойник, которого победил св. Николай. К тому же в духовной русской литературе образ соловья часто служил для обозначения праведника, человека, прославляющего Бога, т.к., по преданию, соловей прославил воскресение Христа.

Мощью и поэзией труда пронизан каждый уголок острова: сам монастырь с его фантастически разумно и рационально спроектированными хозяйственными постройками, с реставрационными работами, не прекращающимися по сей день...

Возрождение скитов, к которым ведут выложенные камнем дороги...

Каков труд строителей уникальной дамбы, построенной монахами для соединения Соловецкого острова с островом Большая Муксалма, где они выпасали скот.

С каким усердием и сегодня у причала в бухте Благополучия послушники и трудники монастыря разгружают катерок «Треподобный Зосима», привезший с материка строительный материал.

С какой кропотливостью и бережностью был возделан аптекарский огород, превратившийся с течением времени в

уникальный Ботанический сад - самый северный Ботанический сад в России.

Жизнь на Соловках требует труда. Мы тоже подарили свой труд этой земле. Ботанический сад на целую неделю стал нашим Домом. День для нас начинался с уборки нашей «планеты»- острова, со спасения от злостных сорняков прекрасных цветов, с возделывания сада, сада своей души.

Самым ярким впечатлением нашей практики на Соловках был лодочный поход по озерам и каналам. На Соловках вода - везде. На острове более 300 внутренних пресноводных озер. В кон. XIX в. монахи создали удивительный инженерно-строительный комплекс каналов, соединяющих основные из этих озер. Благодаря этим каналам упрощалось передвижение по острову, по водным путям сплавливались необходимые в хозяйстве монастыря ресурсы.

Три больших озера, большой круг, 9 км. плеска под веслами прозрачной озерной воды, которую можно пить. Чем же оказались знаменитые каналы?

Достаточно узкие, весла приходилось складывать, выложенные огромными бревнами, почерневшими в воде. Где-то прогнившими, топорно подремонтированными в более поздние советские времена.

От советских времен остался мост с рельсами, по которым в лагерные времена заключенные катали вагонетки с торфом.

Более крепкие стены каналов выложены валунами. Камни, северные валуны - основной строительный материал монахов, т.к. деревянные сваи недолговечны в воде, а деревянные отломки опасны для лодок - можно напороться.

Озерный маршрут включал остановки. Первая познакомила нас с уникальным природным явлением - озером в озере. Перепад глубин здесь в несколько десятков метров! Во внутреннем озере водится совсем другая рыба по сравнению с внешним. Наш проводник рассказал, как в природе образуется такое явление.

Ну, а причалив к берегу, мы отправились на западную часть острова. Именно с нее начиналось освоение Соловков монахами.

Этимологическая справка: в XVI в. английский путешественник Корнелиус Дутс составил одну из первых карт Белого моря, пометив несколько островов словом Soulovki, от понятного ему слова Soul – душа, т.к. в это время на Соловках уже было духовное движение.

Мы увидели место, где Савватий встретил Германа и где позже к ним присоединился Зосима – первые монахи, основатели монастыря. Это Савватиевский скит. На этом месте сейчас восстановлена церковь, поставлен Токлонный крест. А в страшные времена СЛОНа (сол. лагеря особого назначения) здесь были бараки первых политзаключенных (меньшевиков, эсеров, анархистов). В 1923 году здесь стихийно вспыхнуло возмущение заключенных, закончившееся их расстрелом, что стало провозвестием «большого террора».

На маршруте нам встречались полуразрушенные и пустующие постройки, бывшие келейными корпусами в монастырские времена и бараками для заключенных – в сталинские годы.

Кульминацией маршрута была Секирная гора – самая высокая точка Соловков (86 метров), место священное. Секирка.

Этимологическая справка: название горы связано с легендой об ангелах, которые высекли злобную бабу-поморку, поучая ее не творить неправды первым подвижникам Герману и Савватию, которые на этой горе рубили лес.

В 1862 г. на Секирной горе по образу Масличной горы был воздвигнут Вознесенский храм. Это храм-маяк, один из немногих в

мире и самый крупный на Белом море. Французская линза, установленная под куполом храма, сохранилась до наших дней и не покидала своего места.

Страшный парадокс истории: линза сохранилась невредимой, пережив сталинские времена, а заключенные, отправлявшиеся на Секирку в штрафной изолятор, цинично и безжалостно истреблялись. Сохранились страшные свидетельства об издевательствах над заключенными, записанные за уцелевшими в лагере Дмитрием Лихачевым, Олегом Волковым. В память о тех муках и страданиях, о той крови и слезах – Поклонный крест перед восхождением к Храму.

265 ступеней крутого подъема. Нелегко подняться к Храму.

И вот мы на вершине, увенчанной маяком. Рядом – смотровая площадка, глядя с которой ты воочию убеждаешься: со всех сторон – вода, мы – на острове! Смешиваются восторг уединения, вероятно испытываемый монахами, и тоска изоляции, которую ощущали все заключенные.

О страшном штрафном изоляторе рассказывает экспозиция, расположенная за зданием церкви. Внутри же храма – иконостас, уже проводятся по праздникам службы. Ничто не напоминает о том, что в этих каменных, неотопливаемых стенах при 40-градусном морозе заживо замерзали измученные, униженные произволом системы люди, кроме устрашающего тюремного глазка, оставленного реставраторами на двери церкви.

Для заключенных Соловков остров был не сказочным местом с его первобытной красотой, а адом, состоящим из тяжелейших работ, превращавших молодых и здоровых людей в стариков и мертвецов за несколько месяцев. Каждый пройденный километр для лагерников не был приближением к красоте лесов, озер, монастыря, а был просто 5-ым, 10-ым километром – километром под порядковым номером (черно-белые верстовые столбы еще стоят), таким же безликим и равнодушным, как нашивка на тюремной одежде лагерников.

Эти порядковые номера красноречиво скрывают историю произвола, издевательств над человеком.

Больше всего на Соловках потрясает это противоречие между тем тихим уголком, «глухой провинцией у моря», которую видели мы, и тем «островом проклятых», откуда не было пути назад заключенным.

Как сохранились на Соловках две нравственно несовместимые эпохи, два противоположных понятия: крест и звезда, святыня и тюрьма, монах и надзиратель, молитва и проклятие, жизнь и смерть. Два берега острова, два его полюса: на Западе – Секирка со страшным штрафным изолятором, а на Востоке – кресты куполов монастырских храмов.

Сколько пересечений, сопряжений на этом небольшом кусочке земли, окруженном Белым морем! Чувствуется, что Остров – осколок чего-то мощного, великого. Для кого-то Остров отколот от континента, для кого-то – от Бога.

Каждый человек – Остров. Ты – Остров. А значит, каждый из нас – осколок чего-то великого и несравненно большего. Кто-то – осколок континента, кто-то – Бога.

Мы покидали
Остров белой ночью.
Стоя на корме катера,
мы смотрели на
удаляющийся
монастырь, который,
как легендарный
Китеж-град,
окутывался в
молочный туман и

исчезал на наших глазах. Теперь он живет в нашей душе – soul – Соловки.

Е.В. Терещенко, учитель русского языка и литературы

Кемь

Кемь - уже в одном этом названии есть что-то отталкивающее. Ощущение какой-то немоты. Отталкивающее - и вместе с тем древнее. Древнее до неестественности, той неестественности, с которой смотрятся стоящие рядом пятисотлетний собор и небоскреб. С ней, с этой неестественностью, сталкиваемся сразу: мы приезжаем вечером, переходящим в ночь, но светло так, будто

наступает утро или только-только начал угасать день.

Собаки в здании вокзала, безграмотные плакаты «разыскивается» на старой деревянной двери, все погружено в беспокойный сон. Кемь - нищий оазис у берегов моря, приют, где чувствуешь, как тянулось и как тянется время.

Поднимаемся к водонапорной башне. Судя по всему, заброшена - «струя не журчит», как писал Бродский в одном из своих «Фонанов». Повсюду следы запустения и необъяснимой тоски, но вместе с тем и непрекращающейся жизни.

Ржавые груды металла, какие-то остовы, остановившийся завод. К нам ковыляет заспанный старик и настойчиво советует идти куда-нибудь еще, чтобы не беспокоить его и его бдительность. Некому работать, но есть кому сторожить кучи железного мусора.

На ступенях у единственного в городе банкомата лежит тело. Бездомный пьяница или - спящий великан. Подымет ли? Русь - это не летящая «птица-тройка», а он. Пьяница, великан, а может, и то и другое, почему нет?

Этот карельский контраст - красивейшая природа и немыслимая разруха - не дает покоя. Кемь покидаешь с тяжелым чувством - нужно же зачем-то это вымирание, может, место изначально не подходило для жизни? И в чем все-таки дело? *Павел Троицкий*

* * *

*«Кто не мечтал в этой жизни
Хоть раз всё отправить к чертям,
В одиночку пройти океан,
Посвящая сверкающим звёздам
Строчку за строчкой, целый роман?»*

Лодка тихо плыла над тяжелой водной гладью, будто летела. Наш маленький летучий корабль. Я сидела на носу, обжигая голые пятки ледяной водой. Миша щурился от солнца и греб, не торопясь. Кто-то играл на сломанной губной гармошке. Наташа смеялась. Мы уже чуть не проткнули дно нашей лодки, заплыв на подводный забор, встали поперек канала, загородив нашим славным кораблём весь проход, пришли на Секирную гору последними, и нас все ждали. Всё это не важно. Совсем не важно.

Мы были совсем одни, будто впереди и позади нас были только километры сосен, пронизывающих хрупкое голубое небо, и темной воды, которую насквозь, будто острыми клинками, пробивали солнечные лучи.

Мы болтали о какой-то ерунде. Мечтали, что где-нибудь там, под соснами мы поставим дом, и будем там жить. Какая разница, на что мы будем так жить, откуда возьмем электричество и воду. Важно, что это будет большой Наш Дом.

Мы выплываем к большому озеру. Впереди виднеются лодки Лизы и Фани. Я кричу во всю глотку: «Нам направо или налево?», Ксюша, сложив руки рупором, отвечает: «Да». И мы все поплыли налево.

Последний день. Мы два часа, спотыкаясь, бродили по пыльным дорогам между лабиринтами камней, обвитых мхом, и танцующих берез. Всего лишь два часа, хотя казалось, будто мы были там всегда. Мы вглядывались в горизонт, надеясь разглядеть там что-то важное именно для себя, что-то невероятное. Прыгали с камня на камень, не боясь упасть в воду, уходя, кажется, на сотни километров друг от друга. Находясь при этом и далеко, и близко. В последний раз всматривались в серое, изрезанное наждачной бумагой облаков соловецкое небо. Пытались навсегда запомнить крики чаек, утопавшие в горизонте. Потому что это было прощание.

Но знаешь, это совсем не грустная история. Самое главное – это найти свой причал, на котором можно сидеть со своим другом, свесив ноги, вытряхивать последние сухофрукты из пакетика, глядеть в голубую воду и говорить о всякой чепухе. В этом и есть счастье.

Стучали колеса, я вслушивалась в мерный стук ложки о подстаканник, тихо напевая. Плацкарт спал, а я смотрела в окно. Мелькали редкие горящие окна спящих деревень, огни фонарей, от которых на долю секунды слепли глаза. И небо медленно светлело. Я смотрела в окно так, как обычно люди это делают в поездах. Не понимая.

Передо мной был мой первый рассвет.

Катя Воронович

«На Соловках Артем неожиданно начал понимать, что выживают, наверное, только врожденные чувства, которые выросли внутри, вместе с костями, с жилами, с мясом...»

Захар Прилепин «Обитель»

...Даже привязчивые, крикливые и проносящиеся над головой чайки не портили настроения. Потому что какое теперь было дело до этих чаек, когда повсюду разносился запах свежей выпечки, которая продавалась в

таинственном монастырском магазинчике. Он, когда-то такой недоступный, теперь находился прямо перед нами. Листва редких деревьев и цветы переливались и бликовали на солнце, особенно если смотреть через полуприкрытые глаза. Это самое солнце не греет совершенно, поэтому как-то по-ноябрьски холодно, однако как приятно сидеть, нахохлившись, оставив лишь маленькие щелочки на месте глаз. Лицо овеивает дымчатой тканью пара, а запах недоступных свежее испеченных булочек заставляет голову кружиться. Все вокруг говорят что-то, обращаясь не напрямую к кому-то конкретно, однако с учетом того, что кто-нибудь да услышит и заинтересуется. И каждый временами задумывался о чем-то, стараясь вести свою мысль по простой и прямой линии, ибо глубокие и сложные размышления показались бы в этот самый момент никчемными. Отдельные личности прогуливались туда и сюда, разглядывая монастырские постройки, подчищенные побелкой, словно

пасхальные яйца. Отходили недалеко - так, чтоб видеть группу, всякий раз возвращались, дабы подтвердить свое присутствие.

Чайки кружили и как-то особенно стервозно орали над воображаемым трупом. Собаки что-то также яростно охраняли от них, заливаясь колокольным лаем. На все это, пребывая в непреодолимой истоме, смотрели голодные люди, которые на самом деле даже не задумывались о сакральном значении этого сопротивления для животных. От злой тоски по мягкому, почти королевскому ложу, по щам с настоящим мясом, которое лежит бархатными кусками в теплой золотистой густой жиже, перемешиваясь с крошенным хлебом, впитавшим запах и вкус вареной кислой капусты, кто-то про себя матерился.

Мы дошли до сквера между Святительским и Благовещенским корпусами, потом до гавани Благополучия, откуда открылся нам прекрасный светлый вечер, воздух был плотный, как и серое небо, в которое можно было бить как в колокол. Пойти бы

сейчас ягоды собирать, петь песню на весь лес, так, чтобы было слышно от Ботанического сада и до самых монастырских огородов, развести костер на берегу воды из сухих кустов можжевельника и

черники и бродить бессмысленно вокруг, исполняя неведомый никому шаманский танец, подобный тому, что вытворяли чайки и собаки. А потом можно было бы сесть на мокрый балан и постараться запомнить все эти лица вокруг и, если вернешься, расставить дома, как иконки...

Мария Лузгина

Задумываясь о наиболее ярком дне практики ты, вольно или невольно, останавливаешь свою мысль на экскурсии, которая сама по себе является чуть ли не визитной карточкой Соловков. И сейчас я говорю о лодочной экскурсии, ибо она просто не может не запомниться тебе, во второй или в третий раз в жизни севшему в лодку. Ту смесь азарта, восторга, душевного возвышения, которую ты получаешь, проплывая по системе озер сквозь сердце Соловецкого острова, трудно с чем-нибудь сравнить.

При этом еще больше поразит тебя изменчивость пейзажа, начав в небольшом озере, протиснувшись через ряд узких каналов ты в конце концов попадаешь в Большое Красное озеро, которое даже сравнимо с морем, особенно если ты сидишь в лодке. Горизонт отступает, ты уже не можешь различить отдельных деревьев, видишь только черную полосу северного леса. Ветер гонит волны, которые ласково бьются о борт лодки, расшатывая ее из стороны в сторону. Где-то вдалеке видны зеленые остовы нагоняющих лодок, бурно пенящих воду веслами.

Почему-то именно в лодочном походе можно почувствовать какое-то монашеское одиночество. После первых бурных эмоций все в лодке постепенно затихает, внимание

перестраивается не на лодку, а на дивный северный мир, раскинувшийся вокруг. И если закрыть глаза, опустить весла, работать которыми устали непривыкшие руки, то можно представить под

шепот волн, что твоя лодка — это твой маленький остров посреди холодного северного моря. Можно почувствовать холодное прикосновение бриза, почувствовать монашеское аскетичное одиночество, почувствовать мир, почувствовать жизнь, которая в этот момент сужается для тебя до пространства лодки, в которой ты сидишь. Ты не сможешь выйти на берег — вокруг тебя ледяная вода, делай то, что можешь — гребь.

И при этом ты осознаешь, что все вокруг тебя — история. Каналы, прорытые еще иноками монастыря. Вот мостки, по которым 70 лет назад вели заключенных на работе, старые и сгнившие, они сохраняют напоминание о суровых временах, когда были возведены спешно рукой лагерного узника. Под тобой пеньки, остатки лесозаготовительных работ, смотри, не посади на них лодку! Создается ощущение нетронутости, как будто ты первый исследователь открыл древний город, о котором никто до тебя не знал, в котором все окутано тайнами людей, живших в этом месте.

Возвращаясь обратно, наблюдаешь закат. Постепенно все погружается в яркий розово-оранжевый цвет, и вода, и лес, и морены. Все становится похоже на какую-то изысканную сказку, придуманную художником, вроде Ватто, и суровая северная природа перестает быть такой мрачной и хмурой, и кажется, что это райский уголок вселенной, что не было здесь никогда ни лагерей, ни тюрем. Но вновь заплывая в тесный канал, где деревья спрячут от тебя заходящее солнце ты почувствуешь холодное дуновение тяжелых зимних соловецких вечеров.

Вернувшись, не замечая усталости благодаря чувству моральной удовлетворенности, ты только лишь заклеишь пластырем зудящие мозоли и отправишься в лагерь, отгоняя движениями руки толпы комаров и мух, так и ждавших тебя у берегов озера.

Владислав Сбитнев

Думая об этом лете, я отметила для себя одно несомненное достижение: кажется, я научилась спать где угодно. На безвестном вокзале в Кемии - шапку на глаза, ноги на рюкзак... на теплых, солнечных мостках, которые мы в глубине души считали «нашими мостками»

- все-таки хорошо мы выбрали место для палатки!.. прямо поперек лестницы, благо она была деревянная, в том заведении, где нам туманно обещали душ... в уютном катерке, очень вовремя приходя в себя при словах «сейчас нам предстоит маленький экстрим»... и снова - на безвестном, но уже знакомом кемском вокзале.

Мы так привыкли к белым ночам, что на обратном пути, уже в поезде, странно было подумать: неужели и правда сейчас стемнеет?

Больше всего я любила перед сном пойти на мостки и стоять там, среди этой воды, серебрящейся светлым небом, полностью отдаваясь завораживающему ритму струящегося озера... и, только заметив вдруг два знакомых силуэта на «дальних мостках», подумать о том, что, кажется, отбой был уже давно...

А наутро - монастырь, Заяцкий остров, лодочный поход, морской музей, путешествие на дамбу... Запах моря, которым вдруг повеет на повороте дороги: уже недалеко до поселка. Абсолютное, совершенное сочетание цветов и фактур: каменная кладка, серебристо-серое деревянное наверхие, неяркая трава и небо - башня монастыря. Белые поляны пушицы, мхи, по которым невозможно не пройти босиком, морские звезды, плывущие выводки каких-то северных птенцов...

Но неизбежно приходит осознание того, что на Заяцком острове был женский штрафной изолятор, а на Секирной горе - та страшная, жуткая Секирка, и таким странным это кажется в сочетании с удивительной, величественной и спокойной красотой этих мест,

которой хочется отдаться всей душой. Ты не можешь просто смотреть и думать, какой же это чудесный, нетронутый мшистый островок, как бы тебе этого ни хотелось, не можешь не отдавать себе отчета в том, что это места мучительств и мучений, места, словно запятнанные своей историей.

В последний день, когда все вещи были уже сложены на причале и до прихода «Василия Косякова» оставалось часа два, мы с Фаней исполнили нашу мечту и взяли велики, на которые мы так давно заглядывались.

О, это было прекрасно: промчаться за пару минут по той самой дороге, по которой мы столько раз плелись, и на заветном повороте «Филипповские садки», мимо которого мы всегда проходили, на этот раз свернуть и вскоре оказаться у берега, освещенного мягким вечерним солнцем; пробежаться по гряде валунов, остановиться и постоять напоследок на ветру... И, словно попрощавшись с Соловками, нестись обратно с ощущением законченности и правильности происходящего и горстью беломорских камешков в рюкзаке.

А потом смотреть, как отдаляются башни и купола; вот уже остался позади Заяцкий остров с часовенкой; вот мы отплыли настолько, чтобы охватить взглядом весь наш остров, протянувшийся перед нами, и наконец – о, я ждала этого мгновения – показалась Секирная гора, на верхушке которой можно даже различить храм-маяк...

И всё стоять на палубе, надевать еще один шарф и еще одну куртку, но не уходить, пока еле заметная уже темная полоса не растворится совсем в дымке на горизонте, и тогда оглянуться – и замереть: там садится солнце, и, в этом свете неотделимое от неба, расстилается сверкающее море.

Анна Зубкова

Один вечер

зарисовка

Море было спокойно в тот вечер, и не было волн, кроме тех, что были оставлены судном. Мягкой рябью струились рассекаемые воды, маслом текли и таяли в холодном плавающем море. Все тише звучали голоса, теряясь в

бескрайнем пространстве, провисали в воздухе и падали вниз, в воду.

При движении корабля ощущался мягкий ветер, казавшийся теплым; поминутно срывая капюшон, он давал мне насладиться потоком воздуха, ласкавшим лицо. Облака же будто не двигались вовсе: мы плыли под ними, сиреневыми, и незаметно для нас они таяли, обнажая нежно-голубое небо, в отражении моря казавшееся темнее, глубже. Чаша морская ширилась, и плоская дуга неба сливалась с кромкой воды. Воском капало закатное солнце, окропившее горячими лучами холодное Белое море.

И не одни мы внимали шепоту тихого ветра: изредка опережая судно, но всегда возвращаясь к носу корабля, летела по правую сторону от нас чайка. Одинокая в полете, она не приближалась к людям и не просила хлеба, но неслась в потоке воздуха, как плыли мы, за горизонт, в никуда. Позади же нас оставалась чернеющая туча острова, и синий туман, съедающий чаек, постепенно скрывал монастырь и не спешил вослед кораблю. Темнеющая муть, прячущая в себе острова, была точно сном, оставленным нами. Помнился тогда лишь лес, густой, тяжелый и влажный, обязательно почему-то как после дождя; в нем же, в

полной звуков чаще, лежала дорога, взмокшая и набухшая... Но сон был позабыт, и казалось, что впереди - рассвет, и мы двигались прочь ото сна, чувствуя на губах вкус соли холодного северного моря. И ясно было так вокруг, как в свежее раннее утро: белые ночи горели тогда...

Наше слово тонуло в бездонной чаше моря, сияющего в те мгновения синим пламенем. Мысли унеслись вместе с ветром, оставшись позади, и чем дальше я устремляла взгляд, тем меньше слышала внутренний голос, который уступал приятному шуму волн и звуку мотора, не меняющего своей мелодии.

Гордая чайка, по-прежнему летевшая вдали от прочих птиц,

ловила ли в воздухе свободу, упиваясь ею бездумно, или так же, как и мы, ощущала величие вечернего пейзажа, тихое его веяние. Пустынность пространства поглощало время, и плыли мы в замерзшем мгновении вечера, глядя на

незаходящее солнце. Впереди, на расплавленной линии горизонта, теснились громады облаков, тающие в сизой дымке на фоне розового, едва ли сиреневого неба, такого холодного, проседающего вдалеке снизу, у самой воды.

Слева от нас показались прибрежные острова, - последние в нашем путешествии - и неясные очертания скал вскоре обрели свою форму. Пустынные земли, выплывающие из темных вод, переливались в свете закатного солнца, и тонкие его лучи бегали по искривленным линиям суши, отливающей изумрудом.

Но вот неумолимо приближался материк, и пространство, казавшееся бесконечным в своей пустоте, сужалось. Ощущение

свободы, пойманное в потоке воздуха, ударялось о грубые и резкие силуэты труб и прочих построек на суше. И чем была тогда для нас земля?.. Я невольно повернулась направо, как бы спрашивая об этом чайку, но одинокой птицы уже не было. Глаз успел захватить лишь стремительное движение назад, прочь от неволи, к которой несло судно.

Заглох мотор, пристал корабль, и мы сошли на берег, которого, признаться, не хотелось видеть в тот вечер. Вишневые волны облаков, опускавшиеся к заходящему солнцу, напомнили тогда о красоте севера - нашего сна, окутанного в легкую синюю дымку, полную мельчайших кристаллов соли, сквозь которые холодным блеском сияет далекое Белое море.

Анна Агапова

* * *

*Я продам полжизни за полкружки сна.
На щеках у нас – солярный знак,
А ты только представь: вот была б зима,
Что нам делать тогда, выбрать остров как?
Это наш лабиринт – город мертвых, сквозь сон
Это мы пробились сквозь серость дня.
Это наши ветра, мы им задали тон,
Это наши пути, так как наши – моря.
Это мы выбираем, где ад, где рай...
Только ты да я,
 только мы с тобой.
На исходе такого
 недлинного дня
Ночь придет, пусть хоть лик
 и не будет иной.*

Василиса Светлова

* * *

Летом Соловки не знают ночи
В тишине шумят листвою березы
Воды мерно сизый камень точат,
Брегов мрачных обновляя позы.

Шерпкий дым клубится над поляной,
Звонко крикнет птица в перелеске,
Пропищит комар над ухом рьяный,
Пропадет он в резком костра треске.

Покосившись, льнут к земле строения,
Пылью покрывается дорога,
Стены толстые выходят из забвения.
Подожди, пройдем еще немного.

Тихо море, бьется челн о берег.
Корабли, как чайки, над волнами
Белыми бортами плавно реют,
Поднимаясь над седыми валунами.

Далеко летит стрелою Эхо,
С ветром пробежит она сквозь остров.
Новый день становится уж вехой.
Жить и созерцать — не это ль просто?

Так и Одиссей, стремясь в Итаку,
Вдалеке, завидя в море остов,
Все искал с знакомыми чертами
Тот далекий и желанный райский остров.

Владислав Сбитнев

При работе над газетой были использованы фотографии
Наташи Кукиной, Алексея и Светланы Рогатых.
Низкий поклон этим щедрым и талантливым людям.

*Я не слышу голоса родного,
Звук гудит в ушах, не отзываясь,
Ранит чей-то зов, не отражаясь,
Корабли стремятся прочь из Рая; снова
Манит стон костра и угол дома –
Чьей-то кельи и темницы чьей-то,
Чей-то путь и чей-то край порога,
Чей-то крест, стежок разлуки чей-то.
Красной нитью тянется дорожка –
Лабиринт уставших мореходов,
Их маяк не доведет до дома,
Но укажет, может быть, на Бога.
Я искать устала, только знаешь,
С берегов тех диких нет возврата:
Нет нам больше ни привала, ни порога,
Ни костра, ни жажды быть усталым.
... Может, так они и оставались:
Кто в могиле, кто в темнице, кто на воле.
Может, так они и отыскиали страшный рай
В своей земной юдоли.*

Василиса Светлова

*Бессмысленный и страшный свет прожекторов
Над каменной пустотой пролива
Как око Господа – беспечно и уныло,
Небрежно смотрит на узор следов.*

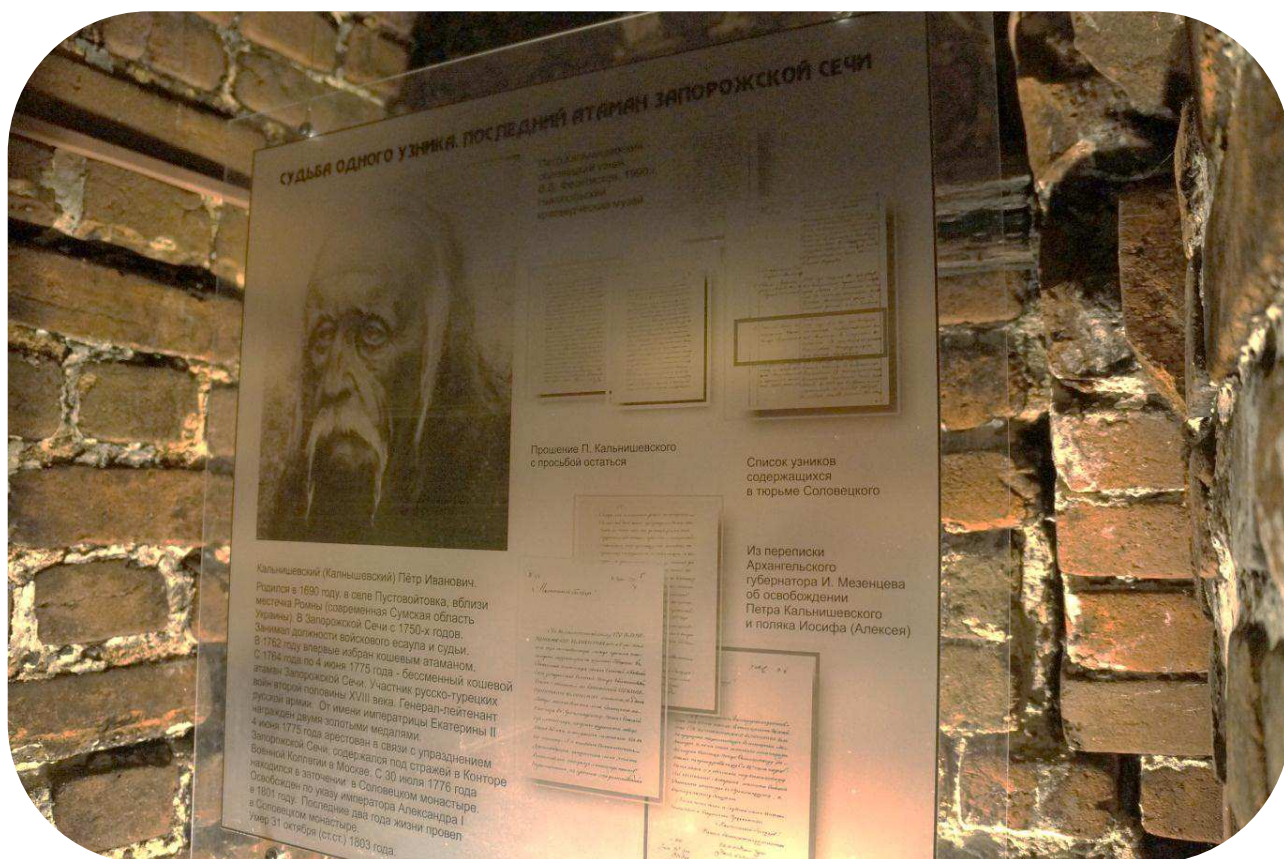
*По снегу вьется мертвою цепочкой
Шаг беглых и избитых арестантов.
Поэма жизни бьет последней строчкой,
Звонят колокола Тулаговских курантов.*

*По бледным стенам каменных соборов
Бежит вперед, мечтая только жить,
Краснеющая ниточка узора,
Как Ариадны в лабиринте нить.*

*Уводит вдаль, запутывает мысли,
Перетекает в пламенный рассвет.
И мы, в попытке безнадежной выстоять
Идем по лабиринту, ищем свет.*

Мария Лузгина

В 1776 г., после уничтожения Запорожской Сечи, в Соловецкий монастырь был отправлен ее последний атаман Пётр Калнышевский, где он провёл около 26 лет в холодной камере размером один на два метра. После помилования императором Александром I Пётр Калнышевский предположительно в возрасте 110 лет, будучи практически слепым, не захотел возвращаться на родину и остался в монастыре, где скончался через два года (в 1803 году).

Угрюмый подвал был угрюмей в тот день,
Когда выводили слепого.
Боялись увидеть истлевшую тень,
Боялись лишь первого слова.
Претъ жизни — в тюрьме, где ни ночи, ни дня,
Лишь узкое жерло бойницы.
Он прожил, в душе своей бурю храня,
Грозившую вновь разразиться.
Чем можно восполнить две дюжины лет?!
Каким безразмерным оброком?!
Чем бывшая стража получит ответ:
Проклятьем иль грозным упреком?
В изорванный саван один облачен,
Явился старик на пороге,
С громадным усилием двигает он
До кости иссохшие ноги.
В глазах его ищут отчаянье, гнет,
Но — нету ни капли единой,
В слепых его бельмах свободно цветет
Привольная степь Украины!
В глазах его волен всегда человек,
Там бунтов пылают пожары:
Не придушить восемнадцатый век,
В обширных сетях канцелярий!
Волненье отняло у стражи язык,
Но, взвесив в душе все невзгоды,
«Я здесь остаюсь», — говорит им старик —
И делает шаг на свободу.

Даниил Игнатьев

Не хлебом единым жив будет человек.
(Мф, 4, 4).

Не рыбою насытитесь одной.
Под искушениями земными не падёте.
Вам говорю: ищите и найдёте.
Дела оставьте, следуйте за Мной.

Но, Господи, ведь мы не зрим Тебя! –
Ищите образ Мой в природе и в себе.
Смиритесь, не идя наперекор судьбе,
И братьев, и врагов своих любя.

Где нет врагов, где братьев горстки две,
Где стон камней, продрогших на ветру,
Где всё идёт не так, как шло в миру,
Где летом холода, а ночью – свет,

Шам, где природа сохранить сумела
Нетронутость и первозданный вид,
Где слов не слышно, только ветер шумит,
Вершилось братское святое дело.

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
А человек потворствует лишь телу.
Святых отцов спасло от тленья дело:
Не плотью, но душой выросли они.

В себе и образ, и подобие Христово
Делами, мыслями, молитвой укрепив,
Шуда, куда их вёл благой порыв,
На подвиги пошли во имя Слова.

И стену возвели, и над стеною,
Как светлый ангел, вырос монастырь,
И чист, как совесть, был пред ним пустырь,
И Божий дух носился над водою.

Арина Попандопуло

Рота N16

(по мотивам романа Захара Прилепина
«Обитель»)

Шестнадцатая призрачная рота
Идет, качаясь, вдоль соборов.
Их не услышат, не окрикнет кто-то,
Ибо их нет, их не припомнят скоро.

Над ними, надрывая ошестинившийся клюв,
Осипшим голосом стрекочут чайки.
И рядом столь же стройными бесцветными колоннами
Идут страдальцы за остывшей пайкой.

Шаги, как ходики или как стук ножа
По мраморной доске гробницы,
Бегут, не зная ни начала, ни конца,
А так хотелось им на миг остановиться.

Вдохнуть прогнивший запах сотен тел,
Плещущихся вперед без остановки,
И вкус черники, и сто грамм положенной перловки,
И по уставу жить, пока на небо не взлетел.

А там, на небе, можно бесконечно
Идти, покачиваясь, в пол смотреть,
Ведь ты теперь в почетной роте, в вечной,
Тебе бы хоть попасть в нее успеть.

Мария Лузгина